

Мальчишкам не хотелось уходить с такой скудной добычей, и они принялись обшаривать пещеру дальше. Гоудань заглянул за большой валун, где обнаружил невысокий каменный стол. Судя по всему, когда-то статуя стояла лицом к нему, но потом почему-то развернулась спиной. На каменной столешнице сиротливо жались несколько мисок и тарелок — должно быть, когда-то в них лежали подношения.

Теперь же от даров осталась лишь высохшая, почерневшая от времени труха, ровным слоем осевшая на донышках.

Гоудань вспомнил, что дома посуды вечно не хватает. Недолго думая, он вытряхнул из мисок скопившуюся грязь, наскоро обтер их подолом и сложил стопкой. Забрать с собой такое богатство показалось ему делом исключительно практичным — в хозяйстве всё пригодится.

Ван Сюань, глядя на копошащегося друга, устроился рядышком на корточках и просто уставился в одну точку, переводя дух.

Немного погодя он вытащил из кармана две зеленые вещицы, которые они забрали у каменного изваяния, и бережно протер их рукавом. Подняв находки к свету, он залюбовался мягкими переливами.

— Брат Гоудань, глянь, какие зелененькие! Красота-то какая.

— Тут и надпись какая-то есть, — Сяо Сюань сощурился, разглядывая узоры. — Только что тут написано? Тот бессмертный старец ведь сказал, чтоб мы сами во всём разбирались.

— Вот я и говорю: болтун он и зануда, — буркнул Гоудань.

— Ну и ладно. Вот пойдем в школу, выучим грамоту — тогда и прочитаем, — рассудил Ван Сюань. В таких делах он соображал куда лучше своего товарища.

Гоудань лишь мельком глянул на безделушки и потерял к ним всякий интерес. По его мнению, глиняная посуда под боком была куда полезнее этих побрякушек.

— Держи, — Ван Сюань протянул ему вещицы. — Спрячь к себе.

Эх, деревенщина неотесанная! Мальчишка рос в такой глуши, что и забот не знал, кроме самых простых да приземленных. Откуда ему было знать, что на свете существует драгоценный нефрит? Да эти штуковины, даже если не имели никакой волшебной силы, одной своей чистейшей текстурой и цветом потянули бы на целое состояние!

Впрочем, Гоудань своего упускать не любил — из тех людей, что с паршивой овцы хоть шерсти клок сдерут. Пусть нефритовые побрякушки казались ему бесполезнее плошек, выбрасывать их он не собирался. Всё-таки добро самого бессмертного! Пригодится.

— Ладно, пошли отсюда. Будем тут сидеть — с голоду помрем.

Нагрузившись стопкой посуды, Гоудань зашагал вперед. Ван Сюань плелся следом, всё никак не убирая свои сокровища и разглядывая их прямо на ходу, из-за чего то и дело спотыкался о камни и едва не летел тормашками вверх.

Наконец он благоразумно распахнул находки по карманам штанов и сосредоточился на дороге. Мальчишки шли наобум, понятия не имея, куда выведет тропа. Каменистый подъем постепенно сменился мягкой, влажной землей.

— А-Сюань, постой. Слышишь? — Гоудань замер.

— Ага, — прислушался тот.

— Вода будто журчит... И ветром тянет, чуешь?

Спотыкаясь и скользя на сырой почве, они припустили вперед. Стоило обогнуть очередной выступ, как впереди, в самом конце прохода, забрезжил долгожданный дневной свет.

Оттуда веяло живительной прохладой. Воздух мгновенно очистился, сменив затхлый пещерный дух на свежий лесной аромат. До этого им приходилось дышать сплошной сыростью и гнилью, окутывавшей каждый темный угол подземелья.

— Выбрались! Ха-ха-ха, выбрались! — закричали ребята в один голос.

От радости они едва не пустились в пляс. Выход оказался совсем узким — обычная тектоническая расщелина в скале, созданная самой природой, а вовсе не руками человека.

Оказавшись под слепящим солнцем, они зажмурились с не привычки. Гоудань подошел к небольшому горному озерцу, в которое с шумом низвергался хрустальный ручеек. Вода была чистой как слеза. Недолго думая, мальчик зачерпнул пригоршню и жадно заплескал в рот.

Только утолив жажду, он заметил, какими грязными были его ладони. Гоудань тщательно отмыл руки и лицо, шумно отдуваясь от бодрящей прохлады. Он уже собирался окликнуть друга, но осекся: Ван Сюань сидел у воды и заворуженно разглядывал маленькую нефритовую чарочку — ту самую, что они забрали из пещеры.

— Чего ты там высматриваешь?

— Брат Гоудань, гляди! Она и правда воду держит!

— Я решил её сполоснуть, зачерпнул воды, а она... раз — и исчезла куда-то!

— Да ну? Врешь!

— Честное слово! Сам посмотри!

И действительно, вода уходила в крошечную пиалу как в бездонную бочку.

— А ну-ка, брось туда камушек, — с азартом предложил Гоудань.

Камушек бесследно канул на дно.

— Теперь побольше найди! Ого... И этот влез? Да как такое вообще возможно?!

Когда в миниатюрную чашечку без труда провалился булыжник величиной с кулак, Гоудань окончательно обомлел.

Он выхватил сосуд из рук товарища, повертел его так и сяк — обычный гладкий камень, ничего примечательного. Каким образом туда поместилась целая глыба, уму было непостижимо.

Следом он забрал у Ван Сюаня широкое нефритовое кольцо лучника и принялся изучать обе вещицы вместе. Разгадка не давалась.

— Слушай, брат Гоудань... — задумчиво протянул Ван Сюань. — Помнишь, тот чудной старик... ну, то есть бессмертный, говорил, что оставляет нам свои пожитки? Раз эта штука вмещает в себя предметы, может, внутри уже лежит то самое сокровище?

Гоудань нахмурился, пытаясь припомнить бессвязный шепот, звучавший в его голове во время сна. От натуги у него даже виски заломило. Мотая головой, точно пытаясь стряхнуть наваждение, он вдруг прищурился на ободок кольца:

— Погоди-ка. Тебе не кажется, что знаки на нём шевелятся?

Память у Гоуданя была отменная, но поскольку грамоты он не знал, любые письма казались ему лишь замысловатыми закорючками, которые никак не желали складываться в осмысленные образы.

— Ой, и правда! — Ван Сюань уставился на кольцо. В его глазах крошечные иероглифы пришли в движение, плавно перетекая один в другой. Они словно отзывались на те таинственные напутствия, что звучали в его недавнем сне. Мало-помалу в его разуме стало зарождаться смутное понимание древней магии.

Однако для Гоуданя его друг просто глупо паялся на кусок нефрита. Не заметив никаких чудес, он бесцеремонно толкнул товарища в плечо, выводя того из оцепенения.

— Брат Гоудань! Кажется, я понял! — взволнованно зашебетал Ван Сюань. — Это волшебная штука! Я сейчас заглянул внутрь... Ну, то есть не глазами, а прямо умом почую! Там и правда полно всякого барахла лежит. И те камни, что я закинул, тоже там валяются!

Гоудань озадаченно почесал затылок:

— Ну-ка, дай я своё попробую проверить.

Кольцо в его руке отличалось от чарочки Сяо Сюаня — у него не было никакого дна, куда можно было бы заглянуть. Мальчик снова в недоумении взъерошил вихры. Серёжек он тоже никогда не носил, так что девать безделушку было решительно некуда. Он попытался натянуть кольцо на средний палец — слишком велико, болтается. Примерял на большой — тоже широковато, но держалось крепче всего.

И стоило ободком коснуться кожи, как в голове Гоуданя будто плотину прорвало.

На самом деле в тот миг, когда бессмертный старец явился к ним во сне и передал своё наследие, эти артефакты уже признали своих хозяев. Просто мальчишки были слишком малы и глупы, чтобы разобрать замудрённые речи высшего существа, оттого и не понимали, как обращаться с сокровищами.

Теперь же, примерив кольцо, Гоудань пробудил древнюю связь. Перед его внутренним взором мгновенно раскинулось огромное туманное пространство, доверху забитое диковинными вещами. Заинтересовавшись одной из них, он мысленно потянулся к ней — и в ту же секунду прямо из воздуха в его ладонь упала увесистая книга!

Ван Сюань так и рот разинул от изумления. Он-то пока умел только прятать булыжники, а его названный брат уже умудрялся доставать оттуда настоящие предметы!

— Вот это да! Старик-то не соврал, и правда надарил нам кучу добра!

Распаленный любопытством, Ван Сюань зажмурился и изо всех сил попытался вытащить что-нибудь из своей чарочки. Гоудань тоже не отставал. Спустя пару минут перед ошалевшими мальчишками выросла целая гора удивительных находок: поблескивающие крупинками золота камни, старинные свитки, связки сушёной пахучей травы, пузатые бронзовые треножники для варки снадобий, острые кривые ножи и ещё куча непонятных приспособлений.

Ребятня пришла в неописуемый восторг. Забыв обо всём на свете, они принялись наперебой доставать и убирать обратно таинственные сокровища, резвясь словно с новыми игрушками.

Наигравшись до упаду и изрядно притомившись, они оглядели заваленную вещами поляну. Переглянувшись, мальчишки поспешно и в полном беспорядке запихали всё обратно в свои пространственные карманы.

— Ну и сокровище! — тяжело дыша, восхитился Гоудань. — Теперь мне будет где прятать заначки. Как только в бригаде выдадут новые талоны на зерно, я их сразу сюда приберу.

— Но ведь тогда... — несмело подал голос Сяо Сюань, — все сразу поймут, что дело нечисто? Если припасы начнут пропадать прямо из сундуков, дядя Ли Сы с ума сойдёт от страха.

— И то правда, — почесал лоб Гоудань. — К тому же старик строго-настрого запретил трепаться о кольце. Придётся помалкивать.

— Да, лучше не рисковать, — согласился Ван Сюань.

Гоудань упрямо мотнул головой.

"Значит, бате ни слова, — твердо решил он. — И ладно. Семейные деньги я теперь всё равно припрятал в надежном месте, так что ему и знать не обязательно, где они лежат. А то проболтается по глупости своей мягкотелой, и бабка живо всё до последней монеты вытрясет"

Те юани, что они требовали со старосты, до сих пор лежали припрятанными в глиняном горшке под углом дома. Отцу он о них так и не заикнулся. Стоило бы старой госпоже Ли завести свою привычную волынку со слезами да причитаниями, как мягкотелый Ли Сы тут же отдал бы ей всё до последнего мао.

Припомнив все прошлые обиды, Гоудань упрямо кивнул собственным мыслям:

— Точно. Бате ходу к моим заначкам нет.

— Слушай, а где мы вообще очутились? — Ван Сюань заозирался по сторонам. — На нашу бамбуковую рощу совсем не похоже. Надо скорее возвращаться к перевалу, забирать наши корзины и топать домой. Живот уже к спине прилип.

Мальчишки в силу возраста не обратили внимания на одну странность. Когда они провалились под землю, дело шло к полудню. Потом они долго блуждали по пещере, спали мертвым сном у алтаря, искали выход, возились у ручья... По всем подсчётам должна была наступить глубокая ночь, а то и следующее утро, однако солнце над их головами едва-едва перевалило за полдень.

Но стоило им наконец добраться до заветной бамбуковой рощи, как их ждал сокрушительный удар: на месте стоянки не осталось ровным счётом ничего!

— Это ещё что за новости?! — взывл Гоудань, хватаясь за голову. — Какой ублюдок утащил моё добро?!

Пропали плетёные корзины, спелые, сочные дикие абрикосы, заботливо собранные птичьи яйца и даже старый холщовый мешок! Всё, что они с таким трудом добыли, бесследно испарилось.

От ярости Гоудань принялся пинать ни в чём не повинные бамбуковые стебли. Ван Сюаню пришлось долго успокаивать друга и тащить его обратно к зарослям, чтобы собрать хоть какой-то улов заново.

Кишки выводили голодные трели, поэтому мальчишки первым делом набили рты свежими абрикосами. Набрав немного диких трав, Гоудань мысленно потянулся к кольцу на пальце и извлёк оттуда старинный обоюдоострый нож невиданной красоты. Если бы создатель этого клинка — легендарного оружия, о котором мечтали величайшие воины, — увидел, как сопливый мальчишка ковыряет им жирную лесную грязь, выкапывая молодые побеги бамбука, он наверняка захлебнулся бы собственной кровью от злости.

Набив животы сладкой абрикосовой мякотью и уняв первый голод, мальчишки наконец двинулись в обратный путь.

Тем временем утомлённые поисками жители Сикани возвращались в свои дома. Сегодня они вместе с обезумевшим от горя Ли Сы вновь прочесали всю округу заброшенного монастыря, а затем углубились в горную чащу. Всё пустую — ни следа.

Больше сделать они ничего не могли. Лес будто поглотил детей — поисковые отряды не нашли даже клочка одежды или оброненной обуви. Ли Сы, казалось, постарел на десять лет: плечи его безвольно опустились, а спина ссутулилась под тяжестью невыносимого горя.

Сердобольные соседи, жалея несчастного отца, несли ему кто горсть риса, кто пучок свежей зелени. Тетушка Юэ даже приготовила горячую похлебку и принесла чашку, боясь, что бедняга совсем иссохнет от голода и тоски.

В деревне воцарилась гнетущая, мертвая тишина. Даже самые отпетые сорванцы притихли и не смели выходить на улицу. Все понимали: заброшенный монастырь, где, по слухам, обосновалось свирепое зверье, находится опасно близко от Сикани. Стоит голодному хищнику почуять легкую добычу, и он в два счёта окажется на деревенских окраинах.

Напуганные родители заперли ребятишек по домам. Взрослые сурово поучали плачущих чад, что дикие волки и тигры заживо глотают непослушных детей — прямо как глупого Гоуданя и Сяо Сюаня, которые ушли в горы вопреки запретам и сгинули без следа.

Когда багровое солнце начало клониться к закату, Гоудань и Ван Сюань, весело перешучиваясь, не спеша шагали по пыльной проселочной дороге. Они и понятия не имели,

что вся деревня уже оплакала их, сочтя давным-давно переваренными в чем-то хищном желудке.

Лица и ладони мальчишек, омытые в горном источнике, сияли чистотой, зато одежда и кожа на теле покрылись коркой засохшей серой грязи. Под этим слоем бледный от природы Гоудань казался чуть ли не белокожим господином.

У деревенского ручья, под сенью старой ивы, кучковались взрослые. Они бдительно караулили расплескавшуюся в воде малышню — раньше никто не провожал детей на купание толпой, но теперь все до смерти боялись лесных хищников. И вот из вечерних сумерек вынырнули две призрачные фигуры.

Немая паника сковала крестьян. Живые?! Быть того не может! Провести целые сутки в глухой тайге один на один со зверьем и уцелеть? Да такое и взрослому охотнику не под силу! Стало быть... перед ними предстали неупокоенные души погибших мальчиков!

Завидев приближающихся оборванцев, крестьяне в ужасе повскакали с мест. Мужчины и женщины похватили скользких, мокрых ребятишек в охапку и с дикими воплями бросились наутек. На бегу они истово молились всем известным богам, духам предков и бодхисатвам, мешая буддийские сутры с деревенскими заговорами от злых сил. Смысл их причитаний сводился к одному:

— О великий Будда, спаси и сохрани! Духи Гоуданя и Сяо Сюаня, уходите с миром! Идите мстить сожравшему вас зверю, не тревожьте честных людей!

Гоудань лишь озадаченно поглядел им вслед и презрительно фыркнул. Ну и трусы! Даже если деревенские их недолюбливали, бегать-то зачем?

— Пошли, А-Сюань, не обращай внимания, — устало позвал он друга. После долгого пути под палящим солнцем ноги у обоих подкашивались, а жажда и зной окончательно выжали из них последние силы.

<http://bllate.org/book/19654/1979384>